

Герб рода
графов Салтыковых

МУЗЕЙ-
УСАДЬБА

КУСКОВО

к 90-летию

Издательство «ТРИТОНА»
МОСКВА, 2008

ЗЕМЛИ ЛОСКУТИК ДРАГОЦЕННЫЙ,

Кусково, милый уголок,
Эдема сколок сокращенный,
В котором самый тяжкий рок
В воскресный день позабывался
И всякой чем-нибудь пленялся.

И.М.Долгорукий «Прогулка в Кусково»

Среди российских музеев найдется немного таких, в которых бы так тесно переплелись история страны и уникальное «содружество муз», богатейшие коллекции и человеческие судьбы, как это произошло в Кусково. Созданное изначально как роскошная загородная усадьба, в ходе истории Кусково превращается в музей, а затем дает приют лишенному собственного дома Музею фарфора.

Прошедшие 90 лет с момента подписания декрета о национализации усадьбы в 1918 г. и открытия в ней музея в мае 1919 года были отмечены заметными историческими вехами, отсчитывающими время бытия заповедного Кускова. Годы революции и гражданской войны, создание экспозиций под эгидой Наркомпроса, присоединение к усадьбе Государственного музея керамики и в связи с этим приобретение нового статуса в 1938 г., спасение «достояния республики» в годы Великой Отечественной войны, время испытаний и возрождения – все разделила старинная русская усадьба с общей судьбой России. Однако с одним «но»: вместо поступательного движения под лозунгом «мы наш мы новый мир построим» время в Кусково словно повернуло вспять – к истокам, созданию и апофеозу русской усадебной культуры, к сохранению и возрождению того, что некогда было весомой составляющей отечественного духовного богатства.

А начиналось все в XVIII веке. Наивысший расцвет русской усадебной культуры совпал с периодом правления Екатерины II. Дворянская усадьба с ее романтической атмосферой, бесценными коллекциями произведений искусства, пышностью празднеств оказала большое влияние на развитие художественной жизни России XVIII века. В усадьбе с легкостью находили воплощение все мыслимые фантазии, стирались границы между странами и культурами, рождались новые традиции. Бесконечное разнообразие «дворянских гнезд» и роскошь увеселительных резиденций ныне в

большинстве своем стали достоянием истории, и лишь некоторым из них посчастливилось пережить Время не только в мемуарах и на редких гравюрах, но и сохраниться как «земли лоскутик драгоценный...».

Подмосковная усадьба Кусково – блестящий образец подобного загородного «увеселительного дома» XVIII века.

Вошедшему в состав владений Шереметевых в XVI веке, Кускову суждено было еще долго оставаться «куском» земли с охотничьими угодьями среди прочих многочисленных сел и деревень – и при Федоре Ивановиче Шереметеве, видном деятеле Смутного времени, и при Владимире Петровиче, генерал-аншефе, участнике Полтавского сражения, да и при легендарном фельдмаршале Борисе Петровиче, владевшим усадьбой всего четыре года. А «виды» на подмосковное село, по видимому, были, но так и не воплотившиеся. Ведь не случайно же в 1715 году покупает Кусково Борис Петрович у своего младшего брата Владимира. «Лета тсяча семьсотъ пятого надесять, Июля въ двадесять пятый день, бригадирь Володимиръ Петровичъ Шереметевъ продалъ я брату своему родному, генералу-фельдмаршалу и военному кавалеру, тайному советнику, графу Борису Петровичу Шереметеву вотчину свою, въ Московскомъ уезде, въ Василцове стану, село Кусково... А взялъ я, Володимиръ Петровичъ, у него, фельдмаршала... за село Кусково, денегъ двести рублевъ...»

Новый владелец лелеял замысел превратить хозяйственное имение в летнюю загородную увеселительную резиденцию, подобную императорскому Петергофу и меншиковскому Ораниенбауму. Но кончина в 1719 г. помешала Борису Петровичу начать благоустраивать усадьбу.

После смерти фельдмаршала усадьбу унаследовал его старший сын, граф Петр Борисович Шереметев, шести лет от роду. У Кускова появился настоящий хозяин, а спустя три десятилетия усадьба была уже на пороге своего «золотого века».

ВЛАДЕЛЬЦЫ УСАДЬБЫ КУСКОВО ГРАФСКИЙ РОД ШЕРЕМЕТЕВЫХ

На протяжении нескольких столетий – шумного, театрализованного XVIII, благородного XIX и трагического начала XX – усадьба принадлежала представителям не только одного рода, но и одной ветви – графской ветви Шереметевых. Само Кусково и его жизнь стали отражением разных характеров и талантов, привычек и причуд, из которых, как из разноцветных и многогранных кусочков смальты, складывается мозаичный портрет всей семьи. Семьи, в которой каждый был рожден ко времени, а потому не только пришелся ко двору, но и прославил свой род в истории.

Владимир Петрович ШЕРЕМЕТЕВ

Первым владельцем Кускова в XVIII веке был Владимир Петрович Шереметев (1668–1737) – младший брат фельдмаршала Бориса Петровича, не уступавший ему в доблести и учениях. В молодости, будучи стольником, по указу государеву он одним из первых отправился в Европу обучаться морскому делу. Начав военную карьеру потешным воеводой, он участвовал во многих сражениях Северной войны, в Прутском походе и сражениях в Польше, воевал на Кавказе и дослужился до звания генерал-аншефа.

Владимир Петрович пережил семь царствований – от Алексея Михайловича до Анны Иоанновны – и до самой смерти служил Отечеству (до 1736 года был киевским губернатором). Он был искренне любим своим старшим

Художники Казаков, Мартын
Портрет В.П. ШЕРЕМЕТЕВА, 1784

Портрет был написан в 1784 году, через много лет после смерти Владимира Петровича. Вероятно, его заказал Петр Борисович в память о своем дяде. Опираясь на прижизненное изображение, художник привносит в него приметы более позднего времени. Часы, усыпанные бриллиантами, которые Шереметев демонстрирует как драгоценность, могли быть пожалованы государем за заслугу перед Отечеством. Эта деталь противоречит платью Владимира, подпоясанному кушаком, и его довольно молодому возрасту, свидетельствующим о раннем периоде карьеры, и, скорее всего, является авторским дополнением. И вместе с тем, часы как будто символизируют начало отсчета нового века, нового времени, которое необратимо будет изменять родословное древо Шереметевых.

ПОДМОСКОВНЫЙ ПАРНАС

Более пятидесяти лет П.Б. Шереметев, один из богатейших вельмож России XVIII столетия, посвятил созданию грандиозного ансамбля на месте родовой вотчины. Обер-камергер императорского двора, образованный и просвещенный граф П.Б. Шереметев был в то же время и типичным русским баринем с отличным вкусом, касался ли вопрос изысков кухни или выбора скульптора для фамильных портретов.

Для него Кусково – одно из более чем тысячи шереметевских имений – было любимейшим. Сначала – как модное увлечение «вспрыгнувших от радости» дворян, получивших с манифестом Петра III вольность и освобождение от службы. А со временем – его любимое детище, его гордость, его собственное государство, в котором он носил титул «Его Сиятельства графа-государя».

Здесь все делалось не только «по апробации и по указу его сиятельства», но и по образцу царских загородных резиденций, с использованием луч-

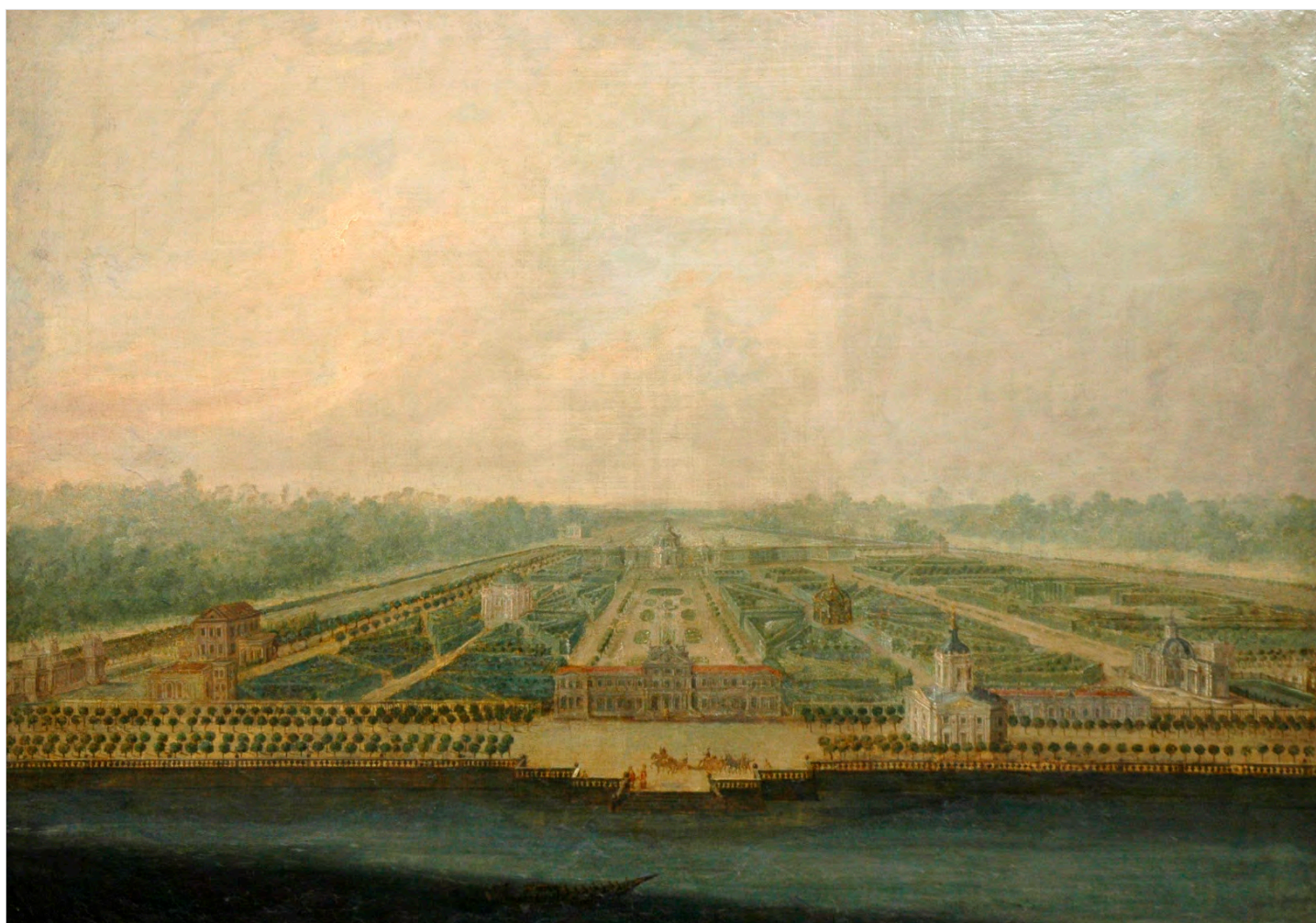
ших достижений высокоразвитого в то время европейского ансамблевого строительства, с учетом русских традиций и особенностей кусковского ландшафта.

«Летний загородный увеселительный дом» – такой официальный статус получило «прелестное Кусково» в XVIII веке. Назначение усадьбы во многом определило и ее своеобразие. Изысканность архитектуры, великолепный французский парк с беломраморной скульптурой, зеркальная гладь прудов, многочисленные увеселительные затеи были превосходными декорациями, в окружении которых разыгрывались грандиозные театрализованные праздники.

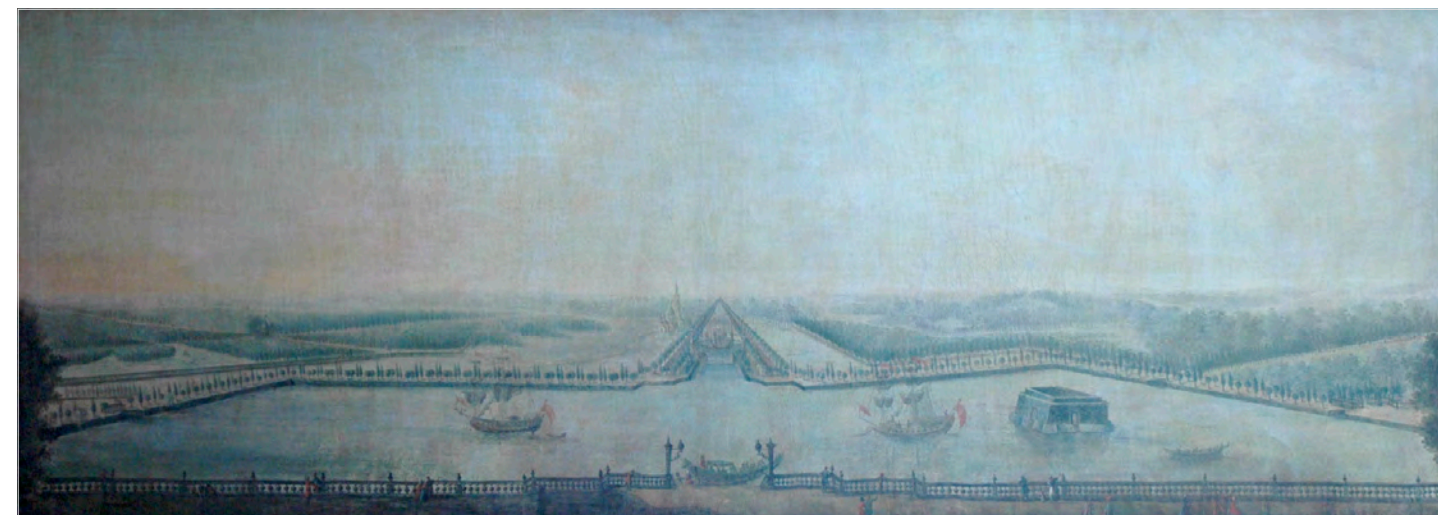
Здесь, в заповедном Кускове, русское XVIII столетие чувствуется ярственнее, чем где-либо. И пусть нарушена первозданность и совершенство шереметевского шедевра – картина галантного века воссоздается из множества примет: изящества Дворца и павильонов, уюта их приветливых гостиных, мягких красок живописных полотен, боя и перезвона старинных часов, тенистых липовых аллей за окнами дворцовой анфилады, зеленых холмов Воздушного театра, мраморной Дианы и ангела, вознесшего золоченый крест над домовою церковью. Как заклинание – «Бог хранит все» – звучит и поныне девиз герба графского рода Шереметевых. Ведь неумолимое Время действительно позаботилось сохранить этот «земли локутик драгоценный».

Кусковский ансамбль в целом сложился в 1750–1770 годах. Осуществлению замыслов графа П.Б. Шереметева во многом способствовала его женитьба в 1743 году на единственной наследнице огромных владений князя А.М. Черкасского. Как часть приданного княжны Варвары Алексеевны, к Кусково было присоединено соседнее село Черкасских – Вешняково, что позволило развернуть строительство усадебных «затей» на территории почти в 300 га.

В Кускове удивительным образом слились воедино идиллия пасторали и светское великолепие, уют барской усадьбы и блеск придворного праздника. Здесь нет пределов полету фантазии. В этом «ковчеге» любая затея – в паре: реальность и игра. Как из «рога изобилия» высыпались на благословенную землю «архитектурные игрушки» – Голландский и Итальянский домики, «французский» Эрмитаж, подводное царство Грота. «Тропики» Американских теплиц скрывали изобилие нездешнего винограда, персиков, ананасов, а в похожих на резные шкатулки миниатюрных Мена-

Художник Г.Д. Молчанов
«Перспектив регулярного парка в селе Кусково», 1770-е гг.

Художник Г.Д. Молчанов
«Большой пруд и часть канала в селе Кусково», 1770-е гг.

Здесь, в заповедном Кускове, русское XVIII столетие чувствуется ярственнее, чем где-либо. И пусть нарушена первозданность и совершенство шереметевского шедевра – картина галантного века воссоздается из множества примет: изящества Дворца и павильонов, уюта их приветливых гостиных, мягких красок живописных полотен, боя и перезвона старинных часов, тенистых липовых аллей за окнами дворцовой анфилады, зеленых холмов Воздушного театра, мраморной Дианы и ангела, вознесшего золоченый крест над домовою церковью. Как заклинание – «Бог хранит все» – звучит и поныне девиз герба графского рода Шереметевых. Ведь неумолимое Время действительно позаботилось сохранить этот «земли локутик драгоценный».

Кусковский ансамбль в целом сложился в 1750–1770 годах. Осуществлению замыслов графа П.Б. Шереметева во многом способствовала его женитьба в 1743 году на единственной наследнице огромных владений князя А.М. Черкасского. Как часть приданного княжны Варвары Алексеевны, к Кусково было присоединено соседнее село Черкасских – Вешняково, что позволило развернуть строительство усадебных «затей» на территории почти в 300 га.

В Кускове удивительным образом слились воедино идиллия пасторали и светское великолепие, уют барской усадьбы и блеск придворного праздника. Здесь нет пределов полету фантазии. В этом «ковчеге» любая затея – в паре: реальность и игра. Как из «рога изобилия» высыпались на благословенную землю «архитектурные игрушки» – Голландский и Итальянский домики, «французский» Эрмитаж, подводное царство Грота. «Тропики» Американских теплиц скрывали изобилие нездешнего винограда, персиков, ананасов, а в похожих на резные шкатулки миниатюрных Мена-

КУХОННЫЙ ФЛИГЕЛЬ

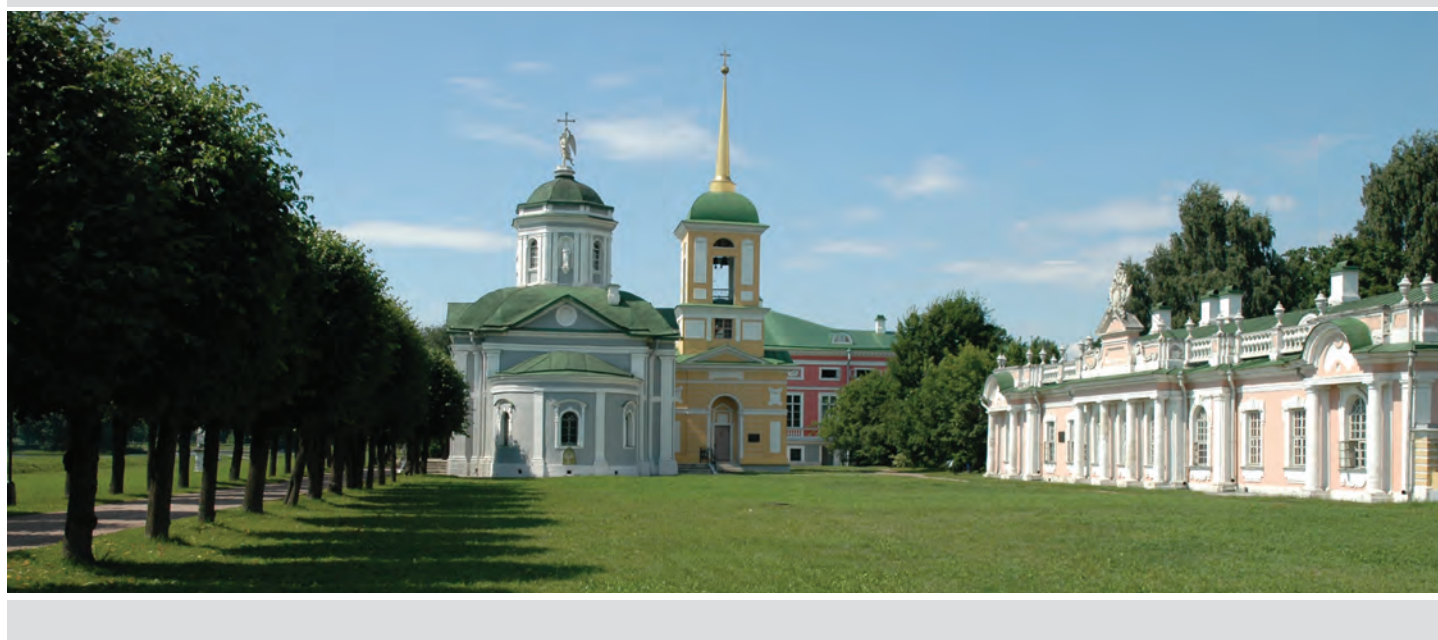
За Церковь и Колокольной разме-

шен Кухонный флигель, построенный в 1755 году по проекту крепостного архитектора Ф.С. Аргунова. Благодаря описям известно, что «в принадлежавшей к Большому дому кухне» была кондитерская, скатертная, комната с полками для «поклажи серебра», хлебная, «кафейная», «кухня называемая французская» и самое большое помещение – собственно кухня, в которой было устроено несколько очагов с «камфорами», вертелами и «жаровыми шкафами».

Чтобы Кухонный флигель – постройка служебного назначения – не нарушал общий торжественно-парадный характер ансамбля, его южный и северный фасады нарядно отделаны. Торжественная колоннада, высокие арочные окна, изящная балюстрада с декоративными вазами на парапете кровли и картуши в виде воинских доспехов и знамен придают этому зданию своеобразную «дворцовость».

Кухонный флигель, 1755 г.

ДВОРЕЦ

В непринужденной асимметрии и

стилевом разнообразии раскинулись строения Почетного двора на берегу Большого пруда. В этой архитектурной сюите и поныне доминирует нарядный и светлый – «цвета утренней зари» – Дворец или, как его называли в XVIII веке, Большой дом.

Обращение центрального портика Дворца, обрамленного белокаменными пандусами, к обширной водной глади Большого пруда сообщало ему характер роскошной ложи, с которой гости могли любоваться усадебными представлениями: потешными «морскими баталиями», «взятием острова-крепости», прогулками на яхте под звуки рогового оркестра и хора песенников. Но особенно поражающим было ночное зрелище из окон Дворца на зеркало пруда, отражавшего «огненную потеху» – грандиозные фейерверки как апофеоз праздника.

Строившийся в 1769–1775 годах под руководством известного московского архитектора К.И. Бланка, Дворец заменил так называемые «старые хоромы». Масштаб, пропорции, белоколонный портик, ризалиты и фронтоны – все в традициях каменной архитектуры. Но фасад сразу же выдает любимый московский материал – дерево, а мощные цельные стволы, обшитые досками и дерниной, превращены в колонны, увенчанные керамическими капителями.

Этот великолепный образец раннего «деревянного классицизма» сочетал в облике строгую уравновешенность и величавость Дворца с простотой декора уютного усадебного Дома. В 1773 году к уже выработанному плану и готовому срубу Дворца из Франции от модного архитектора Шарля де Вайи прислали чертежи фасадов. Не дошедшие до нашего времени, они не позволяют судить, в какой мере нашли воплощение «под смотрением» Карла Ивановича Бланка эти французские «архитектурные инвенции». Главный южный фасад украшен тремя колонными портиками. В лучковые фронтоны крайних портиков помещены деревянные резные военные атрибуты, а центральный – классически треугольный – украшает пышная декоративная резьба вокруг вензеля Петра Шереметева «PS» под графской короной.

Дворец возведен на высоком цоколе, в подвале которого некогда размещались винные погреба. К главному входу ведут два пандуса для въезда карет, с застывшими в «почетном карауле» гипсовыми сфинксами – современными копиями деревянных резных мифических стражей Дворца.

Большой дом предназначался для роскошных приемов довольно узкого круга гостей – императоров, свиты, высших сановников. Прочие же находили развлечения по вкусу в парке, павильонах и театре: праздники проводились по строго разработанному сценарию, и «удовольствия» предлагались соответственно рангу. В то время как в дни самых роскошных празднеств в Кусково наезжали десятки тысяч гостей, во Дворце, как правило, принимали только около 100 избранных. Уникальные по сохранности и художественному убранству залы и гостиные летнего дворца являлись великолепными декорациями для подобных приемов. В них все было подчинено стремлению «удивить чувства людей, кои не видывали и не слыхивали о превосходнейшем».

Бильярдная

На столе, занимающем центр комнаты, воссоздан возможный вариант сервировки конца XVIII века, основанный на принципах того времени. Одновременно здесь с максимальной полнотой демонстрируется все разнообразие посудных форм, созданных в XVIII столетии. Представлены наиболее характерные предметы фарфоровой посуды с цветочной росписью, выполненные на немецких мануфактурах – Мейсенской, Берлинской и других. Большое место занимает и русский фарфор, созданный на Императорском фарфоровом заводе в Петербурге и частном заводе Гарднера под Москвой. Весьма примечательно, что в продукции этих заводов, предназначенной для продажи, преобладают традиции мейсенского фарфора, который стал образцом практически для всех европейских предприятий. Предметы столовой, десертной и чайно-кофейной посуды преимущественно с цветочной росписью, созданные на разных заводах, но в одном стиле, органично соединяются на столе в единый ансамбль. Среди привычных тарелок и блюд, различные по формам миски, соусники и лотки, рюмочные передачи для охлаждения во льду рюмок, ажурные корзины и вазы для фруктов, приборы для специй, подставки для бутылок, солонки. В соответствии с принципами украшения столов в центре помещены скульптурные группы и фигуры, тематически связанные между собой – дети-садовники и композиции «Сбор груш», созданные на заводе Гарднера по немецким моделям. Стекланные бокалы — одни из редких, сохранившихся до наших дней предметов (посуды), бытовавших в шереметевской усадьбе с XVIII века. Характерные для России штофы с резным декором созданы на русских стекольных фабриках во 2-й половине XVIII века. По правилам того времени убранство стола дополнено искусственными цветами, которые широко использовались наряду с живыми, а также ягодами и фруктами.

Стол

ПАРКОВАЯ СКУЛЬПТУРА

Стоящие как на партере, как и в аллеях парка статуи и бюсты римских богов и героев, аллегии рек, сторон света, времен года и гражданских добродетелей, вовлекали гостей парка своеобразную игру в шарады, отражая еще одну черту барокко – назидательность. Загадки атрибутов всякого рода мраморных персонажей преследовало цель обращения не только к чувствам, но и к интеллекту гостей. Применимо к любому парку XVIII столетия продиктовано пожелание Петра Великого к посетителям Летнего сада– «я хочу чтобы те, кои ходят в сей сад, могли в оном при удовольствии своем получать еще некое поучительное наставление».

В середине XVIII века скульптура становится активным элементом регулярных усадебных парков, играя важную роль в архитектурно-парковых ансамблях. Она не только служит украшением, но и просвещает, образует, а порой решает идеологические задачи — утверждает новую власть, новую культуру.

Хозяин усадьбы Петр Борисович Шереметев собирал скульптуру почти сорок лет. Это самая крупная ранняя художественная коллекция из подобных собраний, сохранившаяся практически полностью. Организовывая пространство, скульптура гармонично дополняет малые архитектурные ансамбли, а так как парк являлся своеобразной сценической площадкой для многолюдных праздников, выполняла роль театрального стаффаж. Образный строй парковой скульптуры, определенный набор персонажей следует европейской «программе» первых десятилетий XVIII века.

В 1716 году Петр I получает от своего агента в Италии С.В. Рагузинского «Роспись, каковы статуи употребляют в наилучших садах царских, королевских (королевских – авт.) и прочих господ вельможных». Согласно этому документу определяется набор парковой скульптуры, который можно разделить на тематические группы, или «манеры».

«Манера Египетская» включает в себя двенадцать статуй античных богов. Целомудренную богиню охоты Диану, бога вина Вакха, богиню любви и красоты Венеру можно увидеть в усадебном парке. Последняя изображена с голубкой, верной своей спутницей. Бога коммерции Меркурия также легко узнать по постоянным атрибутам: крылатой шапочке, кадуцею — волшебному жезлу с двумя змеями и кошельку, зажатому в руке.

Кусковские скульптуры порой лишены героического пафоса. Так, в статуе «Геркулес в плаще», как ни странно, мы не увидим сильного, смелого сына Юпитера и смертной женщины, каким он предстает в мифах. Здесь использован редкий сюжет, рассказывающий о последних минутах его жизни. В порыве гнева и ревности жена Геркулеса отравила плащ мужа. И

перед нами не легендарный герой, а в страданиях умирающий человек. В «Манеру Римскую» входят статуи мифологических персонажей, взятых в основном из «Метаморфоз» Овидия. В Кускове это владыка подземного царства Плутон. По углам буленгрин (центральной части партера) — две скульптуры покровителя искусств бога Аполлона. Единый мифологический сюжет объединяет Помону и Вертумна, покровителей садов, фруктовых деревьев и созревших плодов, а также легендарного певца Орфея, прославившегося своим искусством игры на лире, и его любимую жену Эвридику.

«Манера Европейская» включает в себя различные аллегии, в том числе гражданские добродетели. В Кускове им соответствуют аллегии Архитектуры, Твердости, Предусмотрительности, Простоты. Кроме того, рекомендовались статуи и бюсты «красавиц италийских», «римских цезарей и цесаревей». В шереметевском парке можно увидеть бюсты римских полководцев, императоров и известных деятелей: Цезаря, Веспасиана, Калигулы, архитектора Витрувия и др.

Следует отметить одну особенность русских парков середины XVIII века: наличие «водных» персонажей. В усадьбе Шереметевых — это морские нимфы «Наяда» и «Фетида». И только здесь можно увидеть аллегии двух рек: легендарной и местной. Обычно они изображались в виде старцев с сосудами, из которых «льется» вода. Одной из лучших по исполнению и самой большой скульптурой является «Река Скамандр», которая занимает центральное место на партере. На ней, согласно Гомеру, стояла древняя Троя. А «Река Кускова» предстает в образе немощного старика, который вот-вот выронит кувшин с водой.

Таким образом, сравнивая «Роспись» с наличием персонажей парковой скульптуры в подмосковной Шереметевых можно утверждать, что круг героев не случаен. Он соответствует в большей степени «декоративной программе», первых десятилетий XVIII века, которая существовала в западноевропейских парках, и в то же время своеобразен и самобытен. Декоративные статуи и бюсты работы итальянских и русских мастеров рассчитаны на свободное восприятие. По пластике все фигуры разные, среди них нет ни одной статичной, они представлены в динамике, в движении.

Статуи размещены на партере, вдоль аллей и боскетов, на круглых площадках объединены тематически в группы: Запад и Восток; Америка, Азия, Европа, Африка; римские императоры и др. В усадьбе словно собралась история, география и культура.

По центру партера установлены мраморная колонна со статуей Минервы, богини мудрости, и обелиск из серого мрамора, воскрешающие формы военных памятников Древнего мира. Богиня олицетворяла императрицу Екатерину II, которая, как известно, не раз с удовольствием посещала Кусково.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ДОМИК

Из многочисленных «затей» блистательного Кускова XVIII века с наибольшей полнотой сохранился лишь архитектурный ансамбль Итальянского пруда.

Сказочное великолепие Грота, изящество архитектуры Итальянского домика и веселая россыпь нарядных Менажерей были призваны в атмосфере театральной условности увеселительной усадьбы создать образ страны дворцов и искусств – Италии. В структуре усадебных праздников Итальянский домик выполнял роль дворца для «малых приемов». И, одновременно, в убранстве павильона находил отражение характерный для XVIII века интерес к собиранию «раритетов», редких произведений искусства, что придавало маленькому дворцу своеобразие музея.

Однако не следует искать прямого «цитирования» итальянских образцов ни в архитектуре павильона, ни в его интерьерах.

Итальянский домик был выстроен в 1754-1755 годах под руководством Ю.И. Кологривова – тонкого знатока искусства, получившего архитектурное образование в Риме. Во внешнем облике павильона легко угадывается назначение каждого из двух этажей. Дворцовый характер интерьеров второго этажа находит выражение в архитектуре фасада: высоких оконных проемах, ажурных ограждениях лоджии и балкона, завершении карниза нарядной балюстрадой. Небольшие же помещения первого этажа, зрительно более низкого, с квадратными окнами, были предназначены для размещения «раритетов»: редкостных картин из бисера и цветного мрамора, моделей иерусалимской и вифлиемской церквей в стеклянных футлярах, античной скульптуры и многого другого.

Из исчезнувшей со временем коллекции сохранились лишь отдельные образцы: картина венецианского художника П.Негри (1635 - после 1677) «Время побеждает Любовь» да модные курьезы в виде кабинета с уродцами-зверюшками, набранными флорентийской мозаикой и стоящего на нем диковинного «горшка мраморного сероватого цвету...в нем деревце сделано и расписано наподобие померанцевого цветущего дерева...».

Мерный ход высоких напольных часов с музыкальным заводом (Англия, сер. XVIII в.) каждый час оживляют мелодии - по выбору - менюэта или полонеза.

Неширокая одномаршевая лестница, ведущая на второй – парадный – этаж, неожиданно приобретает черты импозантности в изяшном изгибе перил и сложном рисунке нарядных резных балясин цвета слоновой кости. Стены лестницы, как и встарь, украшены живописными полотнами русских и голландских художников XVII-XVIII веков.

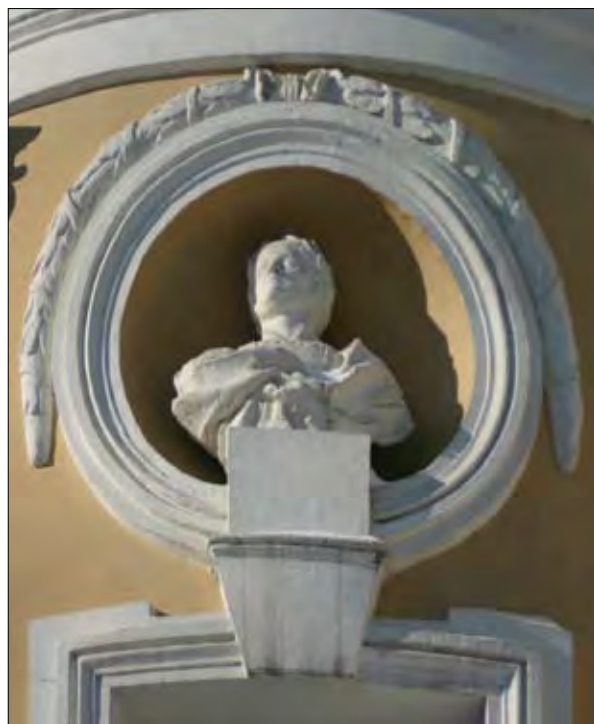
Контрастируя со скромно убранными комнатами первого этажа, высокие и нарядные помещения, предназначавшиеся для «малых приемов», приобретают торжественный парадный характер. Слишком миниатюрные, чтобы быть настоящими дворцовыми покоем, они скорее воспринима-

ются как символ изящества и уюта, как игра материалами и объемами, подлинным и условным. Но к «игре» в XVIII веке относились серьезно, и потому по расположению и назначению эти комнаты полностью отвечали установленному быту и этикету.

Здесь нет торжественной анфилады залов: помещения скомпонованы соответственно назначению уютного дворца-павильона. Парадность помещений подчеркивается разнообразием архитектурно-декоративной отделки: применением дубовых панелей, золоченой резьбы, наборных паркетов, декоративной живописи. Не роскошь, а изысканность, миниатюрная тонкость декорировки придают интерьерам Итальянского домика особое очарование.

Общий вид

Бюсты в нишах

Общий вид

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внучатый племянник графа

П.Б.Шереметева - князь Иван Долгорукий, внук его сестры Натальи Борисовны, в начале XIX веке оставил свои собственные впечатления, облеченные в стихотворную форму, о знаменитом «увеселительном доме» в ту пору, когда расцвет его уже миновал. С ностальгической ноткой описывал он «прелестное Кусково» созвучно тому, как некогда восхищались и наслаждались графскими забавами многочисленные гости. И его рассказы в стихах о Кусково давно уж «разобрали на цитаты».

Дворец роскошного вельможи,
Москвы любимый вертоград,
Где жизни день вывал дороже
Среди бесчисленных отрад,
Чем год в иной стране прекрасной:
Тебе ли знать удел несчастный?

Восторги новые всечасно
Менялись там, как облака:
Кусково было всем запасно,
Проси хоть птичья молока.
Куда пять пальцев не протянешь,
Везде приятности достанешь.

Свобода, мать увеселенья
И роскошь с нею заодно
Изобретали наслажденья
Для тех, кому судьбой дано
Кидать серебра и злата кучи,
Как сыплот град небесны тучи.

Завяли мягкие равнины,
Цветами воздух не курят;
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорят.
Валяются стены зал огромных
И в них не слышно звуков стройных...*

Пустыни нет уж для капризу,
В которой множеством пружин
Могли наверх подняться снизу
Без лестниц гость и господин,
И молча требовать оттуда
В звонок на стол различны блюда.

Иссякли мраморны фонтаны,
Нептунов сух водопровод,
И брызгов челюсти медяны

*Театр,
разобранный
в XIX веке

Не шлют столпом в небесный свод:
Прохлады нет при солнце ярое
И зной полдня варит все варом.

Подошли карпы златоперы
Которых звон в колокола
Сзывал на край пруда матерый:
Волна их сизая несла,
Нырнут на пристань, ус разложат
И хлеб из рук господских гложут...

Цари, царицы, посещая
Москву-старушку иногда,
Как боги в самом недре рая,
В Кускове тешились всегда;
И там веселой черни смехи
По рощам разносили эхи.

Куда владыка твой девался
Кусково, царство всех страстей?
Граф Петр Борисович казался
Бессмертным быть на тверди сей:
Его печали не касались
И все затеи удавались.

И ты, сей точки обладатель,
Великолепнейший богач,
Столицы всей очарователь,
В улыбку превращавший плач,
И ты с Кусковым распростился,
В землянке тесной уложился!

От восхода солнца до заката
Промча в забавах жизни круг,
Последний вздох пустил на злато,
Готовил пир – и умер вдруг!
.....
Театр волшебный подломился,
Хохлы в нем опер не дают,
Парашин голос прекратился,
Князья в ладоши ей не бьют:
Умолкли нежной груди звуки
И «Крез-меньшой» скончался в скуке.

И.Долгорукий

Говоря и думая о Кусково, меньше всего хочется воспринимать его как «музей» во всей однозначности этого понятия. Да, безусловно, и здесь существует непререкаемый музейный закон – «руками не трогать!» вкупе с реставрационным «не навреди». Но все «музейные» запреты и ограничения, связанные с охраной памятника культуры, с лихвой восполняют это вечное очарование усадебной жизни, эти нескончаемые удовольствия чувств, что дарят запах скошенной травы, соловьиные трели в цветущих яблонях, мерный ход часов в сумерках гостиных под аккомпанемент осеннего дождя, ароматы вошеного пола и старого дерева. И отражение случившегося гостя в чудом сохранившихся дворцовых зеркалах, завершая его собственным обликом бесконечно длинную вереницу образов прошлых веков.